

разработку и производство наукоёмких продуктов с целью получения прибыли, предпринимательского или учредительского дохода. Таким образом, принципы диалектики образуют определённую субординированную систему и, взятые в их совокупности методы, представляют собой методологическую программу исследования категории «венчурное инвестирование». Они задают общий план исследования, его стратегию, ориентируя познание на освоение действительности в её универсально всеобщих характеристиках.

Литература:

1. Пивовар, А. Г. Большой англо-русский финансово-экономический словарь: словарь / А.Г. Пивовар; под ред. В. И. Осипова. – М.: Экзамен, 2000.
2. Гулькин, П.Г. Венчурные и прямые частные инвестиции в России: теория и десятилетие практики / П.Г. Гулькин. – СПб.: Альпари СПб, 2003.
3. Гонтарь, О.Л. Процесс финансирования венчурного бизнеса / О. Л. Гонтарь // Финансовый бизнес. – 2006. – №3.
4. Котельников, В.Ю. Венчурное финансирование от А до Я: как сделать проект привлекательным для инвестора: полное пошаговое руководство / В.Ю. Котельников. – Москва: Эксмо, 2009.
5. Инновационная деятельность и венчурный бизнес: научно-методологическое пособие / И.В. Войтов, В.М. Анищик, А.П. Гришанович, Н.К. Толочко. Мн.: ГУ «БелИСА», 2011.

ХАОС И ПОРЯДОК В РУССКИХ АНАРХИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

М.Ю. Мартынов, г. Москва, Россия

Традиционный образ анархизма в культуре связан с хаосом. Между хаосом и анархией существует устойчивое семантическое отношение. Такая же устойчивая семантическая связь наблюдается между властью и порядком [см. 4]. Эти семантические связи имеют мифологические истоки. Для мифологического мышления возникновение порядка предполагает рождение власти.

Пространство в мифе может существовать только при условии, что оно состоит из разнокачественных частей, что в нем есть привилегированные точки, как места иерофаний. Эти абсолютные точки отсчета имеют не просто геометрическое, но онтологическое значение. Процессы сотворения мира и обнаружения его абсолютного центра – совпадают. Там, где центр никак не проявляет себя, реальное пространство не доступно. Только в центре мира Хаос может стать Космосом. Множество различных мифов повторяют эту основную космогоническую идею, связывая реальность Космоса с неким священным местом, центрирующая функция которого может передаваться образами столба,

лестницы, горы, деревья, лианы и т.п. [7, с. 31]. «Восприятие священного пространства делает возможным “сотворение Мира”: где в пространстве проявляется священное, там *раскрывается реальное*, и Мир начинает существовать» [7, с. 46].

Отношения между организующим абсолютным центром, мировой осью и всем остальным организуемым пространством предполагают иерархию. Слово иерархия происходит от двух греческих слов: *hieros* – священный и *arche* – первоначало, первопричина, но также и власть. В этом смысле царская или жреческая власть есть место проявления священного – абсолютной божественной власти или власти как *arche*, имеющей, прежде всего, космогоническое значение. Царь мыслится как то начало, где максимально проявляет себя божественное и расположение земного царя полностью соответствует центральному положению небесного царя.

От такой власти нельзя отказаться, т.к. с ней связано рождение и существование Космоса. Поэтому власть земного царя, в своей основе соответствующая *arche*, призвана поддерживать космический порядок. По этой причине, например, «японский император-микадо должен был определенное время сидеть на троне абсолютно неподвижно в утомительной позе, т. к. считалось, что от этого зависит спокойствие всей Вселенной» [6, с. 122].

Итак, реальное пространство в мифе может быть только властечцентричным. Иными словами, порядок связан с властью, отсутствие порядка – с анархией. *В текстах русских анархистов отрицание власти не предполагает автоматического отрицания порядка.*

С точки зрения мифа, Космос рождается из Хаоса. Творческие возможности порождающего Хаоса можно заметить, например, в знаменитом высказывании М.А.Бакунина «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» [3, с. 148], а также в известном выражении «Анархия – мать порядка». Как нам представляется, анархисты в этих высказываниях *воспроизводят первичный мифологический вектор движения от хаоса к порядку, являющийся онтологическим условием власти в мире. Анархисты тем самым воспроизводят упорядочивающую логику мира.*

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, – для анархистов порядок оказывается важнее хаоса. Идеальное общественное устройство должно быть не хаосом, но другим социальным порядком, более совершенным, освобождающим личность и т.д. Отсюда стремление анархистов говорить о хаосе на языке порядка, приписывать хаосу предикаты порядка, а порядку предикаты хаоса: анархия – это порядок, власть – это беспорядок. Приведем некоторые примеры:

«Анархия вовсе не означает беспорядка и произвола. Анархия, напротив, стремится водворить гармонию и порядок во всех общественных отношениях. Она есть только отрицание той утесняющей власти, которая подавляет всякое свободное развитие общества» (С.И.Бардина, обвинявшаяся по «процессу 50-ти», в своей речи на суде 9 марта 1877 г. [1, с. 9, 10]).

«Буржуазному хаосу, покоящемуся на угнетении, на эксплуатации человека человеком, должна быть противопоставлена вольная свободная организация равных [...]. Да здравствует революционный порядок!» [2, с. 62, 63].

«Анархия есть хаос и беспорядок, так говорят только «буржуа» и социалисты, сознательно искажая смысл слова анархия. Анархия это такой порядок, где свободные союзы свободных людей, равных во всем, живущих без всякой власти и законов; где нет ни господ, ни рабов; где полная свобода, прекрасная жизнь и равенство всех» (Листовка группы рабочих брянского завода «Чего добиваются анархисты-коммунисты», 1917 г. [2, с. 25]).

«Власть – это дезорганизация, власть это беспорядок. Анархия – это сверхорганизация и сверхпорядок» (Бр. Гордины. Декларация. Первый Центральный Социотехникум. 1918 г. [2, с. 200]).

Подобных примеров, показывающих расхождение между декларируемой анархической идеологией и языком, в текстах русских анархистов встречается довольно много. Например, несмотря на враждебное отношение к войне, к армии, русские анархисты широко использовали военные метафоры (*война, военные действия, армия, мобилизация, авангард, враг, вражеская армия, боевая дружина* и др.). Слово сочетание «армия государства и капитала» имеет негативные коннотации, в то время как «добровольческая армия», «армия трудящихся» или «армия безработных и люмпенов (босяков)» – положительные [см. 8].

Для нас очень важно найти объяснение этим парадоксам. Мы полагаем, что парадоксальность вполне естественна для анархистов – она возникает в результате особенностей анархического мировоззрения. Для анархистов основным идеалом является свобода личности, которая ускользает от определения и может быть выражена только апофатически. Например, известный современный анархист Петр Рябов пишет: «Мы можем сказать – *что* есть зло, отчуждение, несвобода, но никогда не можем сказать – *что* есть свобода и *что* есть личность иначе, как “формально” и “апофатически» [5, с. 37]. Противоречивость анархизма возникает в результате попытки осмыслить невыразимую человеческую тайну, – противоречивость есть следствие противоречивости самого человека, соединяющего в себе свободу и необходимость, социальное и индивидуальное и т.д.

Литература:

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг.: в 2 т. – Т. 1. 1883-1916 гг. – М. : РОССПЭН, 1998.
2. Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг. В 2 т. Т. 2. 1917-1935 гг. – М. : РОССПЭН, 1999.
3. Бакунин, М. А. Реакция в Германии / М.А. Бакунин // Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг.: в 4 т. –Т. 3: Период первого пребывания за границей. 1840–1849. – М., 1935.
4. Брагина, Н. Г. Мифологический Хаос (культурный след в языке) / Н.Г. Брагина // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М. : Индрик, 2003.
5. Рябов, П.В. Анархические письма / П.В. Рябов. – М. : Радикальная теория и практика, 2013.
6. Чеснов, Я.В. Тело в контекстах биовласти и биомифов / Я.В. Чеснов // Ориентиры... Вып. 5 / Отв. ред. Т. Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. .
7. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
8. Confino, M. Idéologie et sémantique : Le vocabulaire politique des anarchistes russes / M. Confino // Cahiers du monde russe et Soviétique. – P., 1989. – Vol. 30. – № 3/4.

О СТАТУСЕ СОКРАТОВСКОЙ ИРОНИИ

Т.В. Медведок, г. Минск, Беларусь

О жизни и творчестве древнегреческого мыслителя Сократа известно довольно много и в то же время чрезвычайно мало. Его образ оживает перед нами благодаря текстам Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Диогена Лаэртского, однако сам Сократ, как известно, не оставил после себя никаких письменных сочинений, поскольку признавал исключительную ценность устной беседы, важность непосредственно диалога.

Уникальность взглядов мыслителя признана не единожды в философском мире – Сократ бесконечно притягивал и продолжает притягивать к себе внимание многих исследователей, поскольку задает собой особый стандарт (насколько, в принципе, вообще уместно вести речь о стандартах применительно к философии и тем, кто ею занимается) мыслителя. Трудно возразить А.Ф.Лосеву, утверждавшему, что «в нем (в см. – в Сократе) чувствуется что-то очень непростое, очень извилистое; в сущности, он и до сих пор остался непонятым, как непонятна его казнь, производящая такое впечатление, что не афиняне его казнили, а сам он заставил их себя казнить» [1, с. 57].

Сократ не являлся софистом и никогда не признавал себя таковым. Основание для непризнания подобного рода заключается в разнице